

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.1>

Берберов Бурхан Абуусуфович, Берберова Лиана Бурхановна

ПОЭТИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКИ

В рамках отечественной фольклористики авторы статьи исследуют поэтику карачаево-балкарской бытовой сказки. Среди ключевых экспрессивных средств выделены и рассмотрены такие категории, как эпитет, метафора, сравнение, олицетворение, антитеза, повтор с их горским этнокультурным преломлением. Притчевое начало, дидактизм - еще одно свойство бытовой сказки, где подтекст содержит множество моральных уроков. Отмечается характер эволюционного движения горской бытовой сказки от волшебной сюжетики к "чистому" реализму без примеси магических элементов. Отличительной чертой новейших социально-бытовых сказок, испытавших влияние идеологии европейского Просвещения, является культ разума, определяющий структурно-содержательную особенность фольклорных текстов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 9-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 21.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.1>

В рамках отечественной фольклористики авторы статьи исследуют поэтику карачаево-балкарской бытовой сказки. Среди ключевых экспрессивных средств выделены и рассмотрены такие категории, как эпитет, метафора, сравнение, олицетворение, антитеза, повтор с их горским этнокультурным преломлением. Притчевое начало, дидактизм – еще одно свойство бытовой сказки, где подтекст содержит множество моральных уроков. Отмечается характер эволюционного движения горской бытовой сказки от волшебной сюжетики к «чистому» реализму без примеси магических элементов. Отличительной чертой новейших социально-бытовых сказок, испытавших влияние идеологии европейского Просвещения, является культ разума, определяющий структурно-содержательную особенность фольклорных текстов.

Ключевые слова и фразы: отечественный фольклор; карачаево-балкарская бытовая сказка; поэтика; система экспрессивных средств; притчевое начало.

Берберов Бурхан Абуюсуфович, д. филол. н.

Институт гуманитарных исследований –

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

burhan_berberov@mail.ru

Берберова Лиана Бурхановна, к. пед. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

berberova.liana@yandex.ru

ПОЭТИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКИ

Одной из старейших дисциплин в филологической науке является поэтика, под которой подразумевается «система средств выражения в литературных произведениях» [7, с. 785]. Закономерно, что каждый литературный или фольклорный жанр обладает своим собственным набором поэтологических средств, обусловленных историческими условиями, этнокультурными традициями, эстетическими задачами художника. Целью данной статьи является исследование системы экспрессивных средств в карачаево-балкарской бытовой сказке.

На сегодняшний день жанрово-стилистические особенности карачаево-балкарской сказки изучены в достаточно полном объеме. Среди наиболее значительных работ следует назвать монографии Х. Х. Малкондуева [8] и Ф. А. Урусбиевой [12]. Авторами проделана большая многоуровневая работа по сбору, систематизации, атрибуции национальных сказок, а также их жанровой классификации. На данном этапе среди самых актуальных задач – изучение микропоэтики отдельно взятых жанровых модификаций сказок, в том числе волшебных, космогонических, анималистических, пастушеских, бытовых, женских и т.д.

В национальной фольклористике балкарцев и карачаевцев до сих пор наименее разработанными остаются вопросы, связанные с поэтикой бытовой сказки, поскольку этот жанр по своим атрибутивным признакам является одним из самых диффузных и еще до конца не стабилизировавшимся. К жанру бытовой сказки, находящемуся на стыке фольклора и художественной литературы, вполне применимы слова М. М. Бахтина, которыми ученый в свое время характеризовал «роман», именуя его «единственным становящимся и еще не готовым жанром» [1, с. 447]. В рамках заявленной темы нами исследованы следующие сказки: «Обретший разум», «Знахари», «Четыре копейки», «Умная девушка и три вопроса», «Как жена перехитрила мужа», «Умная девушка», «Поваренок – маленький мужичок», «Умный учитель», «Разум пятилетнего мальчика», «Умный ученик», «Разум лучше, чем богатство», «Богатство, счастье, разум» и многие др.

Судя по проведенной нами исследовательской работе, ярко выраженной особенностью карачаево-балкарской бытовой сказки является ее притчевый характер, благодаря которому подтекст сказки становится важнее текста. Ф. А. Хараев в своей монографии «Таинства чувства меры» приводит интересную притчу о притче: «Раньше Правда ходила по улицам голая, в чем мать родила. Это, конечно, не понравилось людям, и никто не пускал ее к себе в дом. Однажды, когда грустная, обеспокоенная Правда бродила по улицам, она встретила Притчу, одетую в красивые одежды, радовавшие глаз. Притча спросила Правду: “Почему ты ходишь по улицам

голая и такая грустная?”. Правда печально опустила и сказала: “Сестра моя, я опускаюсь все ниже и ниже. Я уже стара и несчастна, поэтому люди удаляются от меня”. “Не может быть – сказала Притча, – что люди удаляются от тебя потому, что ты стара. Я вот тоже не моложе тебя, но чем старше становлюсь, тем больше во мне находят. Я открою тебе секрет: люди не любят простых, открытых вещей. Они предпочитают, чтобы вещи были немного скрыты и приукрашены. Давай я тебе одолжу несколько своих красивых платьев, и ты сразу увидишь, как полюбят тебя люди”. Правда приняла совет Притчи и оделась в ее красивые одежды. И вот чудо – с того дня никто не убегал от нее, и ее принимали с радостью и улыбкой. С тех пор, Правда и Притча не расстаются» [13, с. 7]. Другими словами, смысловое ядро сказки, как правило, покрыто многослойными «красивыми платьями», роль которых играют такие экспрессивные средства, как эпитет, метафора, перифраза, аллегория, сравнение, гипербола, гротеск, аллитерация, антитеза, символ, метонимия, композиция и другие. При этом мы учитываем, что поэтика – не простая сумма приемов, а нечто большее, которое рождается от взаимодействия всех составляющих ее элементов.

Под эпитетом принято подразумевать «художественно-стилистический прием или образное определение» [7, с. 1235]. Эпитет представляет собой особую синтаксическую конструкцию, где наименование объекта и обозначение признака связываются атрибутивными отношениями, при этом посредством образного определения предмет получает дополнительную, часто оценочную характеристику. Определяющую часть словосочетания (прилагательное) можно назвать метафорическим интенсификатором значения существительного.

Проведенный нами лингвостилистический анализ показал наличие в сказках большого количества так называемых номинологических, или антропонимических эпитетов, служащих именами героев. Наличие этих имен связано с культурными традициями древних тюрков, склонных нарекать людей двусоставными, метафорическими именами типа Кичибатыр (Маленький Богатырь), Албёрю (Хватай Волка), Тутбёрю (Держи Волка), Катхан-Темир (Застывший Металл), Кара Кундуз (Черный Бобр), Алтын-Баш (Золотая Голова), Чоюн-Как (Котел Мамалыги), Ала-Кёз (Светлые Глаза), Буз-Джигит (Ледяной Джигит), Ай-Къыз (Лунная Девушка), Ай-Солтан (Лунный Предводитель) и т.д. Такая антропологическая философия связана с верой древних тюрков в мистическую соотнесенность имени человека и его судьбы.

Любопытно отметить замечание культуролога Г. Д. Гачева, который, сравнивая звучность северокавказских топонимических и номинологических единиц с индейскими названиями, пишет: «Джантуган, Бжедуг, Уллу-гаучана, Койауганауш, Чипер-Азау, Кюркюглю-кол-баша. Какая поэзия! А нынешний Логос – что может придумать взамен? “Высота 4 тысячи 213”? Или “Пик Иванова”?» [3, с. 379]. В справедливой критике автора содержится тонкое замечание об эволюции человеческого сознания, движущегося от поэтически-ассоциативного мышления к рассудочной логике, в том числе и в номинациях как человека, так и природных объектов.

Из сборников сказок «Сказки народов Карачаево-Черкесии» [11], «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [10], «Карачаево-балкарские народные сказки» [4] мы методом сплошной выборки выписали метафоры, наиболее часто встречающиеся в бытовых сказках: *вынуть богатство из наперстка, озолотить человека, искры летят из копыт, исчезнуть с лица земли, онеметь от удивления, горы задрожали, камнем тревоги лечь в душу человека, добрая земля поглотила зло, выпить море* и многие другие.

Широко используется в карачаево-балкарских сказках сравнение – категория стилистики, образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства. В сказках чаще всего какие-то внешние или внутренние качества человека сравниваются с объектами или явлениями природы: *черные волосы ее блестили, как ночная роса под луной; курочка светится, будто алмазами усыпана; вол был гладкий как яйцо; растаять как туман; как светлое солнце войти в дом; сказать, словно теплом одарить; высокий, как Минги-тау; синий как небо* и т.д. По приведенным сравнениям видно, что для архаичных народов природные величины являются первостепенными и достойными подражания.

В сказке мир, как правило, изображается крупно, выпукло, каждая деталь мира представлена в полный рост, поэтому большое место отводится гиперболе. Безымянные авторы повсеместно используют этот прием для описания супернормативных качеств того или иного героя. Эпические герои обладают недожинной силой, гигантским ростом, аналогичны габариты их верных спутников-коней. Равновелик и мир зла, как правило, потому что мир добра и мир зла находятся в уравновешенном состоянии, в соответствии с законами диалектики. Однако, по нашему наблюдению, в бытовых сказках чаще всего преувеличиваются умственные ментальные свойства героя, а не физические («Умный мальчик», «Как мальчик оказался умнее великанов», «Разумная сноха» и др.).

К числу постоянно повторяемых мотивов относится одухотворенность природы, лингвистическим «маркером» которой выступает олицетворение. Во всех без исключения архаических сказках природа является активным участником эпического действия, она чутко реагирует на происходящие события. Природа радуется или скорбит вместе с героем. Все объекты природы очеловечены, наделены речью, деревья, камни, звери, птицы дают советы и наставления герою, и именно они чаще всего его спасают в трудные минуты жизни. Объясняя подобную логику сказки в «переходный период», мифолог Е. М. Мелетинский пишет: «Волшебные силы в сказке действуют уже не “автоматически”, они стали воплощением социальных сил, защищающих справедливость. Счастливый конец сказки потерял магическое основание и стал выражать веру в победу справедливости. Волшебные силы в сказке помогают герою не потому, что он точно выполняет магические предписания, а из сочувствия его горю, в благодарность за его доброту и т.п.» [9, с. 13]. Олицетворение

как стилистический прием пронизывает весь текст сказки «Мороз», где персонифицированная стихия холода помогает озорному герою собрать съестные припасы и спастись от голода.

Важную функциональную роль в карачаево-балкарских бытовых сказках играет антитеза, или окказиональная антонимия, упорядочивающая представления о добре и зле. Выписанные нами из текстов методом сплошной выборки бинарные оппозиции позволяют выстроить следующий бинарный ряд: *лень/трудолюбие, отдыхать/работать, разрушать/создавать, тьма/свет, лиса/кролик, хаос/порядок, смерть/жизнь, ночь/день, природа/человек, чужое/родное, подниматься/опускаться, черное/белое, глупость/ум, мало/много* и другие. На антитезах построены названия многих сказок: «Бедняк и ханская дочь», «Албёрю и Тутбёрю», «Сюлемен и злой карлик», «Слепой Алиюк и эмеген», «Тоймаз и Домай», «Ламарт и Чумарт», «Шайтан и человек», «Наны и Джаны», «Бедняк и змея», «Лиса и мельник», «Олень и еж», «Вошь и блоха», «Орлица и орлята», «Вол и осел», «Волк и собака», «Медведь и собака», «Лиса и перепелка», «Старый кот и мыши», «Верблюд и лиса» и др. Основное назначение этих окказиональных антонимов в тексте – выстроить в сознании читателя социально и этически оправданную ценностную картину бытия.

Чаще всего окказиональная антонимия является базисом, фундаментальной основой художественного конфликта. Противоборствующие стороны не всегда могут прийти к консенсусу. Судя по исследуемому материалу, «для таких случаев предусмотрены фигура “третьей стороны” или деятельность народного суда “тёре”, которые в сказках нередко выполняют роль последней “нравственной инстанции”. Судейские решения, как правило, парадоксальны, у них своя внутренняя логика, не лежащая на поверхности» [2, с. 86].

Повтор – разновидность экспрессивного синтаксиса, часто встречающаяся в карачаево-балкарских бытовых сказках. Этот фольклорно-художественный феномен отмечен доктором культурологии Ф. Урусбиевой в ее монографии «Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии». Касаясь вопросов «цепевидных структур карачаево-балкарской сказки», исследовательница пишет: «Анализ сказочного материала, имевшегося в нашем распоряжении, показал, что существует четыре основных типа повторяемости, на основе которых создаются цепевидные структуры текстов произведений сказочного и детского фольклора: нанизывание; кумуляция; кольцевой повтор; маятниковый повтор» [12, с. 55]. Принцип повторяемости определяет композиционную структуру сказок «О Кесе и мальчике», «Вошь и блоха», «Мышка и колокольчик», «Умный учитель» и др.

Эволюционное развитие карачаево-балкарской бытовой сказки связано с постепенным исчезновением элементов волшебства в тексте и усилением реалистического начала. Происходит «прозаизация» сюжетов, отражающих каждодневную жизнь простых горцев. Из сказок вытесняются мифические существа, уступая место представителям традиционного горского общества, – каменотес, земледелец, пастух, чабан, охотник, наездник, священнослужитель (мулла), судья, учитель, лекарь. Нередко основу художественного конфликта составляет коллизия семейных отношений между мужем и женой, невесткой и свекровью, родителями и детьми и др. Бытовые сказки позднего периода отличаются острой социальной направленностью, в них высмеиваются такие пороки, как лень, глупость, хитрость, жадность, алчность, гордыня, грубость. В этих художественно-эстетических «условиях» универсальными, самыми востребованными выразительными средствами становятся юмор, ирония, гротеск, сарказм. Так, стихией народной смеховой культуры пронизаны социально-бытовые сказки «У лжеца короткий хвост», «Белый ягненок», «Хитрый гость», «Пасынок», «Приключения охотника», «Бьжмапапах» и другие.

Ярким примером, где саркастически изображается глупый человек, потерявший всякое самоуважение к себе, является карачаево-балкарская сказка «Добрый Ходжа». «Был очень добрый человек – Хазар Ходжа. Пришел к нему Лис. Хазар-Ходжа зарезал курицу. “Кушай на здоровье, Лис, – сказал Хазар-Ходжа, – тебе тоже есть надо”. Пришел к нему Волк. Зарезал Хазар-Ходжа барана. “Волку тоже есть надо”. Пришел медведь. Хазар-Ходжа зарезал лошадь. Шайтан пришел. Начал есть Хазар-Ходжу. “Кушай на здоровье, – кричал Хазар-Ходжа, – тебе тоже есть надо”. Шайтан поперхнулся и выплюнул Хазар-Ходжу. “Нет, – говорит, – я таких дураков не ем”» [4, с. 219]. В приведенном тексте коротенькой сказки сарказм заключается в том, что даже черт (низменная сущность в мироздании) с презрением относится к человеку без внутреннего стержня, не способному отстоять свое Я перед деструктивными силами.

Идеалы эпохи Просвещения XVIII века с его культом разума наложили заметный аксиологический отпечаток в целом на северокавказский фольклор, в том числе на его сказочный репертуар, выделив в качестве приоритетной ценности умственные способности человека, его интеллект. Именно с этим культурным сдвигом связано появление в карачаево-балкарском фольклоре большого количества бытовых сказок, структурно-смысловое содержание которых определяется ядерным концептом «разум». Подобная закономерность различима даже на уровне заголовков – «Мудрый старик», «Умный мальчик и великан», «Находчивый мальчик», «Смышленный мальчик», «Счастье, ум и богатство» и др. Следует отметить, что именно бытовая сказка с ее внутренней новеллистической инерцией стала предшественницей карачаево-балкарской профессиональной прозы. Из нее выросли в последующем рассказы, повести и романы таких авторов, как Б. Гуртуев, С. Хочуев, Э. Гуртуев, М. Батчаев, А. Теппеев, З. Толгуров и др.

Если подойти к исследованию карачаево-балкарских бытовых сказок с точки зрения лингвокультурных концептов, то можно отметить пять основных концептов, определяющих их нравоучительную, дидактическую сущность: самосовершенствование личности, трудолюбие, альтруизм, культ познания, бережное отношение к природе.

Проведенный нами анализ карачаево-балкарской бытовой сказки с поэтологической позиции позволяет сделать ряд научных выводов. Специфику данного жанра отличает сильно заметное притчевое начало,

обнаруживающее себя в прямо, косвенно или опосредованно выраженных назиданиях, моральных поучениях, этических уроках. Среди экспрессивных средств легко различимы отголоски древнетюркской этнокультуры, преломляющиеся в номинологических эпитетах, метафорах, олицетворениях, сравнениях, антитезах и т.д. Карачаево-балкарская бытовая сказка, первоначально отличавшаяся диффузным характером, эволюционируя, сводит к минимуму элементы фантастики, полностью переходя на уровень реалистического отображения жизни. В «новой» сказке иронии отводится функциональная роль основного экспрессивного средства.

Главное назначение сказки – увеличение человеческого в человеке. «В ней изначально заложена целостная и завершенная система ценностей, которая поддерживает порядок и гармонию, регулирует нравственные законы и не допускает хаоса в духовном пространстве» [6, с. 39]. Подчеркивая антропоцентрическое начало сказки и ее воспитательный потенциал, классик карачаево-балкарской поэзии Кайсын Кулиев отметил: «Сказка всегда возвеличивает замечательные человеческие качества, в ней каждый раз побеждают они. А это значит – побеждает народ, его разум, крепость души, человечность, которые неистребимы. Перед ними отстают темные силы, какой бы тяжелой ни была борьба» [5, с. 323].

Список источников

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Берберов Б. А. Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 1 (28). С. 84-87.
3. Гачев Г. Д. Жизнь с мыслью. М.: Ди-Дик-Танаис; Мир, 1995. 494 с.
4. Карачаево-балкарские народные сказки / авт. вступ. ст. и сост. Р. А.-К. Ортабаева. Черкесск: КЧИГИ, 2006. 267 с.
5. Кулиев К. Ш. Сказки и горы // Кулиев К. Ш. Поэт всегда с людьми: статьи, эссе. М.: Советский писатель, 1986. С. 320-324.
6. Кучукова З. А. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики: на материале карачаево-балкарской поэзии: автореф. дисс. ... д. филол. н. Нальчик, 2006. 41 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. 1600 с.
8. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская народная сказка. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 182 с.
9. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М. – СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. 242 с.
10. Народные сказки балкарцев и карачаевцев / сост. А. Алиева. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2003. 256 с.
11. Сказки народов Карачаево-Черкесии / сост. Р. С.-Б. Лайпанов, Ф. Х.-О. Гочияева. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1992. 335 с.
12. Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии: монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 125 с.
13. Хараев Ф. А. Таинства чувства меры. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 255 с.

POETICS OF THE KARACHAY-BALKAR EVERYDAY FAIRY TALE

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor in Philology

Institute for the Humanities Research –

Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

burhan_berberov@mail.ru

Berberova Liana Burkhanovna, Ph. D. in Pedagogy

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik

berberova.liana@yandex.ru

Within the framework of the Russian folklore studies the authors of the article study the poetics of the Karachay-Balkar everyday fairy tale. Among the key expressive means they single out and examine such categories as epithet, metaphor, comparison, personification, antithesis, repetition with their highland ethno-cultural refraction. The parable beginning, didacticism is another feature of an everyday fairy tale, where the subtext contains a lot of moral lessons. The paper describes the character of the evolutionary movement of the highland everyday fairy tale from the magic plot to the “pure” realism without the admixture of magic elements. A distinctive feature of the newest social and everyday fairy tales that have been influenced by the ideology of the European Enlightenment is the cult of reason that determines the structural and content peculiarity of folklore texts.

Key words and phrases: domestic folklore; Karachay-Balkar everyday fairy tale; poetics; system of expressive means; parable beginning.